

Владимир Рязанов

**Июльские
были**

Владимир Рязанов

Июльские были

<https://litres.ru/74222443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Не взирая на советы, пишу часто от первого лица. И это не очерки, как принято считать, и не зарисовки, а именно – рассказы о том, что пережито, прочувствовано, интересно. Стараюсь так же донести и до читателя. Итак: рассказы о природе от первого лица.

Владимир Рязанов

Июльские были

Владимир Рязанов
Рисунок 1

Июльские были

Хвощ зимующий
Владимир Рязанов
ИЮЛЬСКИЕ
БЫЛИ

РАНЕЕ ИЗДААННЫЕ КНИГИ АВТОРА

«Была деревня Соколовка»,
рассказы и очерки;

«В гостях у журавлей».

стихотворения одной книгой 2006г.

в г. Куйбышеве.

Переиздана 2007г.

«По прозе жизни», рассказы от первого лица, рассказы, маленькие повести. 2009г.

В г. Куйбышеве.

«Земля родная Каинская», очерки о земле
земляках, очерки по архивным материалам г. Куйбышева
и района, публицистика.

2010г. в городе Куйбышеве.

ОТ АВТОРА

Не взирая на советы, пишу часто от первого лица. И это не очерки, как принято считать, и не зарисовки, а именно – рассказы о том, что пережито, прочувствовано, интересно. Стараюсь так же донести и до читателя. Итак: рассказы о природе от первого лица.

ИЮЛЬСКИЕ БЫЛИ

Зубастая

По детству ещё помнится - на рыбалке и охоте, особенно в коллективных вылазках – не везло часто. Хотя и частенько

бывал их застрельщиком. Помню, наверное, мне тогда было лет десять – встретил я Володю Раздобарова. Друг, не друг – приятель, да и – не сказать, сверстник, мальчик с другого конца деревни на год постарше меня. Первые мои слова при встрече были: «А пойдём завтра рыбачить за нами». «За нами» - это вниз по реке Иче, за нашим огородом. Наш домик стоял крайним у реки.

Едва задымилось росистое утро, я уже поджидал Володю у своего дома, а там оставалось пройти по росистой траве метров с сотню на высокий бережок. Где в разрывах лопухов чистина* с быстрым течением, при значительной глубине. Помнится мне, куковала кукушка, поднималось горячее солнышко, клёв был хороший. Напарник мой шутя выловил десятка полтора прекрасных речных карасей, но у меня почему-то ловились только пескари. Правда, крупные, водившиеся тогда в нашей реке в изобилии. Но – пескари же. И так до конца рыбалки. Но это я так, к сведению....

Вот и теперь – один из соседей по саду втихаря** ставил на реке удочки-донки с живцом на шук прямо под талинами у самого сада. Удилища на такой снасти нет – всего лишь колышек, что втыкается потаённо где-нибудь под кустом, иногда и прямо в воду. Толстая леска, длинная, с крепким крючком, часто с тройным, насадка – живая рыбка, предварительно выловленная тут же, в реке. Ещё самоловом зовут такую удочку – установишь, и она сама ловит. На живца ловится хищная рыба. Никому он не говорил об этом, пока не столк-

нулись мы лбами в густом тальнике. Он с добычей в полиэтиленовом пакете – с двумя щуками, одна из которых была очень даже приличной. А я под берег – искупаться после парилки. Дело было в последних числах июля, когда щуки облюбовывали себе на осень место буквально под солнцем – любят они погреться у берега. И греются на таких местах на солнечном мелководье до ледостава.

С весны ещё баловался я удочкой. Но вот в последнее время, придя к мосткам, когда ещё никого не бывало у них – ни рыбаков, ни купальщиков, я непременно видел отплывающую от берега щуку, теперь - хозяйку солнечного места у мостка. Июль не самое подходящее время для ужения. Иногда клевало, и можно было в конце дня сварить ушницу, иногда удавалось поймать всего лишь две-три рыбёшки – тогда это кошачий обед. Иной раз и вовсе не удавалось поймать ничего. Но, в последнее время не клевало и - всё. Хоть разбейся. Даже, что ни на есть - самая мелкая рыбёшка не показывалась. Стал я приглядываться внимательней, и связывать то, что не клюёт иногда - со щукой этой. Так или сяк. Уж не она ли отпугивает рыбёшку? Хотя, как? При моём приближении щука уплывала вглубь. Здесь я бросал прикорм для рыб. Сомнительно, чтобы щука была этому причиной. В засаде она сидит незаметно, тем и кормится, неожиданно нападая на рыбёшек. Если даже и сидит в засаде, то рыбы её и не увидят. Да и сыта она сейчас....

И однажды, в солнечный день, я пригляделся – под лопу-

хами, показалось, что стоит крупная рыба, иногда и лопухи шевелит. Раз и два, и более бросал я взгляд, пока не пришло убеждение – стоит там рыбина, стоит тихо под прогретыми солнцем лопухами. И однажды даже увидел – неосторожно высунутый из-под лопуха кончик – нос щучий! Помаячил, касаясь самой поверхности, и скрылся. Вовсе одолела уверенность – вот и причина моего невезения! Стоит – отпугивает своим видом.... Наконец, повезло мне – из глубины удалось выудить чебачка. И возникло решение – использовать его как живца. Прикинул – и крючок, и леска у меня на удочке достаточно крепкие. Насадил живца и начал насадку водить перед лопухами. И так, и сяк – туда да обратно. Нет, не реагирует хищница. Сытая – думаю. Бросил насадку на глубину. Несколько раз пробовал вытаскивать – нет – на крючке только та пойманная рыбка. Бросил - и стою. Забыл даже, что на рыбалке я, нет поклёвки и на живца. Но вот задвигались лопухи.... Вздогнули отчего-то.... Ну и всё.... А через какое-то время – потянуло мою леску с поплавком вместе. Даже воткнутое удилище дёрнулось. Спешно вытаскиваю – что-то затрепетало там, в глубине, сопротивляясь, и ... как бы оборвалось что – то. Вытаскиваю - всего лишь.... головку чебачка без туловища. Загорелся я азартом. Где взять живца? При такой поклёвке – долго его не поймать здесь. За поворотом мальчишки удили. Пошёл к ним – а у них мелюзги отловленной полно. Мальчишки для кошек удят рыбёшку. Выпросил пару живцов – но и на них я ничего не выловил. Один

был объединен полностью, а другого к концу дня постигла та же участь, что и первого моего – одну головку вытащил на крючке.

Тут и конец дня. Пошёл я к себе, а тут и соседushко – на-встречу, закидушки свои проверить идёт. Поздоровались, и разойтись пора – но не уходит, и по глазам вижу – страсть, как рассказать что-то мне хочет, поделиться интересным. Попридержал я себя, а он с азартом и горчинкой какой-то: «Знаешь, третью ночь мои донки пустые. Срывает кто-то живцов – не ловится. Иногда головки одни от них остаются...»

Хмыкнул я, сочувствуя ему, и пошёл. Не одного меня – думаю, дурит какая-то рыба, хотя – даже не похоже на рыбу. Но о том не сказал. Такого ещё не было никогда. Обычно хищная рыба азартно хватает наживку, на том и попадает-ся.... С тем и пришёл на свой участок – поливать пора, воду дали. А тут и сосед с речки возвращается мимо – на прутике в руке небольшая щучка. - А на трёх опять кто-то объел живцов, – в каком горьком восторге вопиет он....

Через несколько дней пошёл я искупаться. Щука, как всегда при моём появлении, ушла вглубь. Поплыл я на поворот, там и опять те мальчишки рыбачили. Выпросил у них парочку рыбёшек – мальчишки хорошие, совсем не скупые, лет по восемь, рыбачки заядлые. Посмотреть на таких – любо! Но только вот добыча - мелочёвка обидная. Принёс рыбок в кульке с водой. Немного погодя, взял свою удочку и пошёл на реку. После моего купанья у мостков вода ещё мутная бы-

ла, но щука уже заняла своё излюбленное местечко и принимала солнечные ванны. В этот раз она как-то нехотя и не стремительно совсем ушла вглубь. Даже рассмотрел я её – серо-полосатая, пасть зубастая, жабры растопырены, в воде смотрятся даже страшновато – хищница, сама – килограмма на полтора. Добыча хорошая, хотя, и – больше бывают.

Насадил одного из живцов на свою удочку неказистую, забросил. Ждал – пождал. Затаив дыхание. Плавает рыбка где-то в глубине, леску шевелит. Плавает. Плавает.... Но... потащило вдруг лесу вместе с поплавком, потащило, стремительно, утопило, дёрнуло удилище из рук. Добыча, почуяв, что я держу крепко, заходила из стороны в сторону. Тащу осторожно, леса натянулась, зазвенела, пружинисто заходила, со свистом, вспенивая воду. Тащу – давно крупную рыбу не вытаскивал. Не упустить бы...

Наконец подтаскиваю щуку к берегу. Она как бы притихла. Осторожно выбираю лесу, бросив удилище на берег. Вытаскиваю на берег добычу. Какая.... Но.... щука каким-то образом вовсе и не на крючке. И обрывок лески у меня в руках.... Откусила что ль? Удочка – то моя с крючком без тросика. И - катится кубарем назад – к реке. Плюх – в воду. Поддала хвостом, с ног до головы обдав меня водою. Крутанулась, ошалев от свободы, и... ткнулась носом в сухой берег, потеряв ориентир. Глубина-то там - сантиметра четыре.... Не знаю, что со мной произошло. Видимо, я, ошалев, тоже, но от азарта, что у бывалых рыболовов считается неприлич-

ным, совершил это само неприличное. Со всего маху – падаю животом в воду на добычу, норовя поймать за жабры, попадаю пальцами в пасть хищнице. Но ещё крепче животом добычу к песку и илу дна в воде прижимаю. Что совсем уж неприлично у рыбаков считается! Разгибаюсь, наконец, ещё не поняв – поймал или не поймал. Но, ощущая, что добыча наполовину у меня каким-то образом под рубашкой, что на животе узлом завязана, ворочается. И палец один окровавлен. В таком виде и застал меня соседushко по саду.... К своим донкам спускался: «Здорово.... с добычей тебя! А ловко ты, ловко.... её. Ха – ха! Ловко... ловко!» И – к своим донкам. В этот раз, совсем и не опасаясь меня, не храня в тайне места.

После того, как была изловлена разбойница-конкурентка, при подходе к мосткам с неделю я больше не замечал уходящей вглубь хищницы. Но потом появилась новая любительница солнечных процедур – небольшая, средней величины щучка. Свято место пусто не бывает под солнцем.... Обитала, грелась она до самого ледостава именно у мостика.

В то лето мне больше порыбачить не удалось. А сосед больше не жаловался, что у него с донных удочек кто-то наживку объедает. Поди ж, ты. Надо же.... Только один раз как-то, уже в конце лета, идя со шурёнком опять на прутике, обернувшись, увидел меня, прошептал как-то тихо с оттенком печали: «Опять...опять насадку на донках пожрали. Всего то – вот...» И кивнул на свою добычу жалкую. Я улыб-

нулся ему, сочувствуя....

*Чистина – свободное от водорослей пространство, обычно, на середине реки, где сильное течение.

**Втихаря – тайно, без свидетелей. (Прим. автора)

Июль 2005 – январь 2013гг.

ЛИКА День выдался таким горячим, июльский день такой, словно картофелина, только что испечённая на углях. За что не возьмёшься на дачном участке – всё жжётся. Даже ручка двери на домике. Бочка с водой, к которой подошёл умыться – прикоснулся – жжёт пальцы. И вода в ней – словно щёлок банный. Где там уж освежиться. А, ведь, ещё только утро.... Ступаю, а босые ноги припекает, пощипывает - что на дорожках меж грядок, что на дощатом настиле перед крылечком.

И в домике духотища, даже залетевшую с сада, крупную муху не слышно. Забилась где-то в уголок. Кажется, всё замерло. Но, это только кажется...

Вон – неутомимая серая мамочка-воробыха порхает беспрестанно в скворечник на старой сосне. Чиликает там семейка желторотиков, кормит их ежеминутно. Безлюдно, рано, но уже нестерпимо жарко и душно. Отчего моё измученное воображение впало в крайность, вспомнив правильную русскую поговорку – клин клином вышибают: не затопить ли баньку?

А в баньке прохладно, набиваю в печь поленьев, подкла-

дываю бересту, налил в печной бачок воды и замочил веничек свежий. Осталось поджечь. Но «клин-то клином хорошо», а вот, вялость из изнемогающего тела банным паром не выбьешь. Сомнительно это....

Иду на реку, где у мостков из песчаного дна бьют множество студёных родничков, где ивы, тень, там-то и можно освежиться, поплавать....

* * *

У мостков, забредя в реку по колена, стоят две юные девушки в купальниках. При моём появлении они как бы оживились, и одна – другой, голенастая брюнеточка – пухленькой блондиночке на ушко, как бы, между прочим, слышу - и кивком на меня: « Наша примечательность – местный писатель и поэт, и журналист – тоже... между прочим, неплохо получается...». Голенастенькая, по приметам – наша городская. А вот подружку не встречал. Приезжая – решил. Они стали просить: « А вы поплывёте к другому берегу? А? Принесли бы оттуда кувшинок....»

Я вхожу в реку. Приезжая с соломенными выющимися волосами, кажется, уже обладала искусством женского кокетства – поглядывала на меня оценивающе, с интересом, и в тоже время с оттенком ироничности. Понятно - не их я сверстник, но ведь и мужчина, бодр, не обрюзгший, загорелый, подвижен. И, покусывая какую-то былинку, сорванную на берегу, смотрит искоса, и немного с подвохом: « Ну, что? Плывёте....»

Я не теряюсь: «А что, вы не умеете плавать?»

Девушки, чтобы разрядить обстановку и сделать её непри-
нуждённой, переглянулись, и наша землячка представилась:
«Я – Катя, вы меня, кажется, знаете, а это, – кивнув на же-
манничавшую подружку, – Лика, она в гостях...»

Я, кивнув, ныряю в глубину между ними. Плыву под во-
дою долго и вынырываю, запутавшись в лопухах кувшинок,
у противоположного берега, под сенью нависших над водою
ив. Глубина здесь – по грудь, а чуть назад, ощущаю – по гор-
ло.

Девушки всё так же стоят у берега, уже забредя по пояс, и
о чём-то спорят. Я срываю пяток цветущих кувшинок и со-
бираюсь плыть назад, как Катя крикнула: «Стойте, я к вам
плыву». И энергично заработала саженками, сокращая вод-
ную гладь. Вот она уже рядом, я вручаю кувшинки, она бла-
годарит меня, держа их над водой, которая ей чуть ли не по
плечики, собирается плыть к подружке. Но тут между ними
завязался диалог – мимикой, взглядами, жестами. Катя во-
прошающе оглядывается: «Подождем немножко, Лика хочет
к нам, боится, вот только...»

Я понял это так – Лике нужна поддержка. Плыву к ней.

* * *

Она по-прежнему стоит в воде по пояс, отрешенно смот-
рит вниз, то ли за мальками рыбьими следит? Вот я рядом,
а она словно меня не замечает, переводит взгляд, но уже с
оттенком лёгкой лукавинки и иронии: «А что, плыть надоб-

но?»

Меня же и спрашивает, и, плюхнувшись, плывёт в сторону подружки. Плывёт не очень умело: загребает воду часто, булькая ногами и ладошками. Плыву вдогонку за нею. А поравнявшись, вижу: глаза у Лики широкие, а в них мечутся страшинки. Шепчу ей ласково: «Голубушка, гребь вот так, - и показываю, - да пальчики плотнее... лодочкой, пореже да пошире загребай...»

Она приободряется, загребла увереннее, но всё равно – частит. И, вот мы уже рядышком с Катей, она улыбается подружке, ободряет: «Ну, Лика, молодец, да ты же хорошо плаваешь...»

Притихшая Лика стоит рядом со мной – вода по горлышко, и неуверенно оправдывается: «Река-то незнакомая». И тянется в сторону берега, к жёлтому фонарику кувшинки с голубенькой стрекозкой, чуть, и чуть - стрекоза взвилась. Лика изумлённо отслеживает её полёт, подтягивает кувшинку, но сорвать раздумывает, так же изумлённо рассматривая, уткнулась в неё, замерев на мгновение, и, испачкав носик жёлтой пылью, отпускает фонарик. Поворачивает счастливое личико, и, кивая на букет кувшинок, с укором делает выговор: «Такую прелесть загубили». И озирает реку в оба конца. Рядом на сухой коряжине замечает изумрудного зимородка и - шёпотом: «А это кто же?». А следит уже за порхающей у самой водной поверхности бабочкой. Я не успеваю ответить, зимородок плюхнул в воду в шаге от нас, аккуратно,

без брызг, словно не птичка, а грузило. Ли́ка от неожиданности взвизгнула, но тут же и примолкла, увидев, что птичка с добычей – мелкой рыбёшкой уже аккуратненько вынырнула, усевшись на коряжину. Ли́ка смотрит, понятно – для городской девочки сплошные чудеса.

Зимородок с добычей упорхнул в тальник, где у него гнездо. Катя, тоже с интересом наблюдавшая за происходящим, нарушает молчание: «Ли́к, поплыли, что ли?». Но Ли́ка как будто бы и не слышит, загадочно поглядывает на Катю, на меня. И, вдруг, зачерпнув ладошкой водицы, плещет мне в лицо. Резко поворачивается и брызгает на подругу. Катя, закрывшись кувшинками, тоже брызжет водой. Визг, хохот, веселье....

Мгновение, и Катя пускается вплавь к противоположному берегу, гребя одной рукой, другая поднята с кувшинками. Вот уже она у мостков и, обернувшись, негромко зовёт: «Ну, плывите же...Ли́к...ну...».

Я выжидаю, не плыву, чувствуя растерянность Ли́ки, вселившийся в неё страх перед этой пустяковой водной преградой. Куда и подевалась её игривая беззаботность. В глазах девушки откровенная тревога, которую она выдать не хочет ни мне, ни Кате, что наблюдает за нами и уговаривает подружку: «Ну, не трусь, Ли́ка, ну... хватит стоять».

* * *

А та поворачивает застывший взгляд и, ничего не сказав, пускается вплавь. Я – следом. Поначалу плывём рядыш-

ком. Подбадриваю девушку: «Так, Лика, молодчина... да реже гребь, шире захватывай...» Она выравнивает темп, кажется – дело пошло, как неожиданно встречаюсь взглядом с её помертвевшими, полными ужаса глазами.

- Ли..., - едва и успел произнести я, как оказываюсь с головой в воде, изрядно глотнув, а Лика, охватив мне шею, душит, и мы оба опускаемся ко дну. В сознании мелькнуло и не поверилось – какая хватка в этих девичьих ручках....

Но – благо, обмелела река и в глубокой протоке я на мгновение ногами ощущаю твёрдое дно. Приходит спасительная мысль – отцепить от себя девушку, а потом как-то подхватить безопаснее для себя и доставить к берегу. Иначе

Отталкиваюсь от дна изо всех оставшихся силёнок, но поверхности с душившей меня в спасительной хватке девушкой – не достигаю. Хотя, кажется, Лика успела глотнуть воздуха, и это хорошо. Погружаемся опять, тут и совсем стало страшно. С великим усилием раздвигаю на своей шее, казалось, слабенькие девичьи руки, освобождаюсь и от её ног, не менее крепко обьявших меня. Только бы глотнуть воздуха, которого так не хватает! Только бы. Да Лику не потерять.... Вынырываю, отфыркиваюсь, оглядываюсь, вдохнув раз-другой. А Лики-то нет!!! И ужас овладел мною, но где-то в сознании – искрой: спокойнее, спокойнее.... Это для себя....

Тут же по течению ныряю в глубину, где, открыв глаза, в желтоватой воде заметил белеющее чуть ли ни на самом дне тело девушки, борющееся за жизнь, отдаляющееся по тече-

нию. Глупышка, с перепугу всё... со страху... - и эта мысль подстёгивает.

Спешу на это барахтающееся, но оседающее на дно пятно – как бы безопаснее ухватить, зная уже невероятную цепкость её ручек. На последних запасах воздуха хватаю со спины, за талию девичье тело, но Лика мгновенно отреагировав, попыталась стиснуть в своих объятиях, из которых я выскользнул, стараясь ухватить хотя бы за что -нибудь, чтобы извлечь юное создание на поверхность – к жизни, к солнышку. Этим «что-нибудь» оказалось тоненькая бечёвка Ликиных трусиков. И, оттолкнувшись от дна – на поверхность, из последних сил, и возможностей. За неё и тащу, тяну....

Вздых, другой. Теперь проще, вот уже по течению - Ликина спинка, светлые кудряшки. Она подняла голову. Пытается загребать воду – опять по течению, которое уже изрядно отнесло нас. По течению, но к берегу, к берегу – так легче, за эту тоненькую спасительную верёвочку, вопреки всему и стремлению её грести. Ощущаю под ногами илистое дно. Делаю шаг, другой, и... Ликины трусики остаются у меня в руке, а сама она погружается в воду. Как коршун на добычу бросаюсь туда же, и... опять оказываюсь в цепких её объятиях. Но здесь уже мельче, и сам, погруженный в воду, держа повыше девушку на своих плечах, ступаю к берегу.

Она же, не поверив в спасение, наоборот – ещё крепче, до боли сжимает мою шею, да так, что терпеть нет возможности. Ни идти по вязкому дну с этим драгоценным грузом,

ни закричать на свою всадницу, ни воздуха глотнуть. Облепленный водорослями, из последних силёнок, ступаю ещё пару шагов, и... сбрасываю через себя в сторону берега, где воды-то по пояс. Лица падает ничком в лопухи кувшинок – только и мелькнула её незагорелая обнажённая попка. Делаю вздох и мельком вижу как с берега, к нам со всех ног стремительно бежит Катя.

В месиве ила, воды и водорослей нащупываю барахтающуюся Лику, поднимаю её, и опять оказываюсь в её объёмах. Вместе валимся в это месиво, приподнявшись, кричу в её ушко зло и властно: «Отпусти же,... дурочка, не - то и в этой каше утонем. Ну!!!». Она поднимает полуобезумевшие глаза. Ребёнок, совсем ребёнок ещё. Во мне исчезают и злость, и усталость. Только - жалость к этой симпатичной девочке.

Поняв, что ничего страшного уже нет, она разжимает объятия и, опираясь на меня, шагает к берегу, к очередным мосткам. Девушку рвёт водой раз, другой. Повиснув на моём плече, она, почуяв облегчение, поднимает на меня уже осмысленное личико и, не - то с издёвкой, не - то - с долей кокетства, (сейчас - до того ли?), произносит: «Ну, и как я в таком виде...» И, кажется, ждёт ответа. Делает последний шаг к мосткам, с моей помощью садится, где уже стоит запыхавшаяся Катя, тянет подруге руку. Но та, нисколько не смущаясь своей наготы, только отмахнулась и забулькала ногами, смывая ил....

Я поплыл - за цветной тряпочкой – её трусиками, которые уносило по протоке, свободной от водорослей. Плыть пришлось не близко, наконец, вещица в моих руках.

Назад я уже не плыл, а вышел на мостки у следующего спуска и пошёл обратно берегом, думая – как же вывести Лику из стрессового состояния, в котором она оказалась, как мне мнилось, и по моей вине. Однако, у мостков увидел отрадную картину: девушки купались на мелководье – будто и ничего не случилось. Лика по грудь в воде, увидев меня, замахала рукой приветливо и безобидно. Замахала обрадовано и Катя. Я в ответ тоже потряс им своей добычей, едва отнятой у реки. Расторопная Катя выскочила из реки и, подбежав, взяла вещицу, кинулась к подружке. Я пошёл к своему саду, думая, что это нечаянное общение и приключение закончилось.

* * *

Но девушки в купальниках, с вещами, окликнули меня. И опять же Лика: «А что, спаситель-благодетель не хочет общения в обществе спасенной?» Я подождал их, медленно идущих, уже согретых и обсохших под щедрым солнышком. Улыбающихся мне навстречу. Поравнялись.

Катя поджарая легконогая, белозубая, спортивная, загорелая, глаза карие открытые тёплые и благожелательные, ждущие ответной теплоты. Волосы с рыжинкой, явно крашенные, брови-то тёмные, но ей это идёт. И улыбается - словно подсолнушек. Да! Подсолнух, подсолнушек цветущий - та-

кой же из-за соседнего забора выглядывает!

Лица тоже улыбается. Она пониже Кати росточком. Матовокожая. Ладно сложена, про таких говорят – «у них всё при себе». И фигурка ладная, и бюст – вполне оформившаяся девушка. Серые глаза – открытые, чистые, с голубизной, личико свежее и чуть-чуть тронутое загаром, как и всё тело. Полные яркие губки, овальное нежное личико, и маникюр, и педикюр на ноготках-коготках. И шейка нежная изящная, тоже едва тронутая солнышком, аккуратненькие ушки с крохотными золотыми серёжечками из-под светлых кудряшек. Но...опять глаза. Теперь они синепаволоковые. Вот уже и смотрят как-то непросто – с лукавинкой затаённой. Из-за чего теперь она не кажется ребёнком, как там – в реке....

Женщина, юная женщина с изюминкой и уверенной капризинкой, таким это можно - разрешено природой. Именно - с изюминкой и капризинкой, и какой-то приятной загадкой в душе, которую суждено разгадать мужчине, только ею избранному. Или же – никому? Такая вот девочка приезжая....

Держит в пухленьких губках невесть откуда взявшийся цветок ромашки. Который она тут же берёт в руки, и, сосредоточив внимание на нём, срывает лепесточки, эти символы чистоты, и, кажется, что-то шепчет,... шепчет при этом, а затем, выпустив остатки цветка из пальчиков, искося и загадочно бросив взгляд, уверенно молвит: «Ну, что ж, ведите....»

Что я расцениваю – в гости. И Катя не протестует....

Так и идём к моему саду с дощатым зелёным домиком. Я, зрелый мужик и две юные особы, волею судьбы повязанные этим горячим днём слабенькой ниточкой нечаянного знакомства и начавшегося приключения, принявшего чуть ли не трагический оборот и, к счастью – слава Богу, с благоприятным исходом. И от этого - нам всем хорошо.

Раскрываю перед гостями калитку: «Добро пожаловать!».

- Ой, какая прелесть! – восхитилась Катя, увидев цветущие кусты пионов, ромашек, ухоженные кусты картошки, грядки. Лица на это отреагировала сдержанно, разглядывая и домик дощатый, и большую сосну со скворечником.

Девушки в купальниках уселись на прогретую солнцем деревянную скамью перед домиком. Я взял стеклянную вазу и пошёл к клубничным грядкам. Катя бросилась рассматривать цветы и пчёлку на них. Вернулся с полной вазой клубники, приглашая в домик. Под «охи» и «ахи», «можно ли ещё» девушки мигом расправились с клубникой, и вышли на крылечко Я возился с печуркой у домика, готовя чай - гости ведь. Сделал салат из огурчиков и зелени, бутерброды с салом и шпротами, что оказались под рукой. Приглашение откусать было принято восторженно, и все блюда пошли на «ура». Особенно – чай из листьев бадана и барбариса, клубники, смородины и малины. За столом гости подтрунивали друг над другом по случаю сегодняшнего «спасения на во-

дах». Много было шума и хохота, счастливого смеха, пока Катя не попросила прочесть что-нибудь стихотворений. Она имела мою первую книгу.

Я начал читать из старых, ранних. Катя слушала с интересом и восхищением, и аплодировала на каждое стихотворение.

Лика слушала тоже с интересом, только с несколько затаённым, настороженным, а в пальчиках с крашеными ногтями опять держала цветочек ромашки, вращая его туда-обратно. Она тоже хлопала, но, кажется, не так восторженно. Однако, ещё и взглядом дополняя значимость услышанного. Как бы исследуя и спрашивая – а чего вы ещё стоите, голубчик? - говорили её синие теперь глаза.

Вот я закончил чтение, и после всплесков двух пар девичьих рук неожиданно настала неудобная пауза. Лика смотрела куда-то поверх меня, а Катя и вовсе – в раскрытую дверь веранды, где кипела жизнь зелёного мира со своими обитателями. День был будний, и на улице ещё не было соседей - ни ближних, ни дальних, ни транспорта, ни голосов, ни звуков присутствия людей. Приятное летнее утро – едва ли начало второй половины дня. Первозданного, благоуханного... не очень жаркого после длительного купания. А сколько событий за короткий отрезок времени!

- Да... - сказала Лика неопределённо, - хорошо-то как, и... ти-и-хо, - нарушив молчание, не беря во внимания звуки природы, и поднялась со стула.

Залетел в раскрытую дверь большущий шмель, она отпрянула, отмахнулась. Катя храбро изловила его на окне голыми пальчиками за крылышки, отпустила с крылечка.

- Да, - повторила она, - хорошо, когда всё хорошо кончается, - следя за взвившимся шмелём, многозначительно взглянув на Лику.

Я предложил девушкам полакомиться ещё ягодой. Они пошли, но тут же и вернулись. Убрали со стола, в бочке у крыльца вымыли посуду, составляя её на расстеленную газету для просушки. Пошли по участку. Спустя немного пришла Лика, уселась рядышком на солнечную скамейку, протянув тарелку полную клубники: «Спасибочко, а это вам.... А у Катиной бабушки только картошка да малина на участке».

Повернулась, смотрит: «Стихи ваши – прелесть, понятные, чистые. Вы ловкий и добрый, утопла бы я без вас - реки испугалась. Могла и с вами вместе....»

В чистых глазах на милом личике откровенность и - никакой игры. Юная девочка, почти ребёнок, опять. Чистая девочка из хорошей обеспеченной семьи....

- Вам скоро на пенсию? а домика лучше не построили. У нас дача... настоящая. И недалеко озеро. Там плаваю. А в реке незнакомой как-то... - помолчала, застыв взглядом, призналась, - страшно – под тобою глубина...

В упор смотрит. Что ей ответить на упрёк за домик мой неказистый, на её признание, что «страшно»? Она уже смот-

рит в другой конец, где банька: «А это у вас что?».

- Да банька, - отвечаю я, вставая в тень домика.

- Банька, – оживилась Лика, - а можно взглянуть? Я люблю и попариться....

Меня это несколько удивило - это же другое поколение ...

Веду Лику к баньке мимо Кати, которая разглядывает божью коровку на капустном листе, и в ладошке у неё пяток таких же разных размеров. Она улыбается: «Куда вы?». Идёт за нами. Я раскрываю дверь тесной бани, где в раздевалке беспорядок. Но в парилке-то всё при месте: прибрано, и воды полный бачок, а в печи дрова.

Лика со знанием дела осматривает: « Уютно-то, а можно истопить? И венички свежие, пахучие...». Катя смотрит на подружку, и - сдержанно: «Лик, ты с ума сошла? В такую жару париться.... Соображай-ка...»

Лика тухнет взглядом, но Катя непреклонна, она решительно выпускает божьих коровок на малютку вишню и берёт Лику под руку.

- Пора, Лика, и так, считай, у тебя... ещё один день рождения появился. Ведёт к домику, Лика вопрошающе оборачивается.

Спустя мгновения, девушки уже одетые в босоножки и летние платья, и оттого ещё более привлекательные, вышли из домика. Катя улыбается, Лика смотрит озадаченно, а в уголке рта опять ромашка: «Спасённую уж и не попарили». Полушутя - полусерьёзно.

Ромашечка уже в пальчиках. Крутится – вертится. Взгляд устремлён на цветочек, Катя смотрит серьёзнее. Ликин взгляд – в меру с лукавинкой, в меру с капризинкой. А пальчики срывают лепесточки. Они летят - кружат снежинками на ветерке, который легко и тепло волнует их платица. Какие милые девушки!

- Лик, - волнуется Катя, - опоздаем. А Ликин взгляд на мне, и - никакой реплики на просьбу. Ох, не детский это взгляд, совсем не детский!

- Спасибо за кров, за стол, за стихи и за спасение, спаситель мой. Вы теперь под нашим пристальным вниманием и ... опёкой.

Сказано ею уверенно и таинственно, будто бы гадалкой. Серьёзно как-то. Катя недоумевающее смотрит на меня, как бы спрашивая – что это? И торопит. Я тоже торопливо вручаю им по три цветка пионов. Кате – красные, Лике – снежно белые и пакет с клубникой: «Бабушку угостите...». Гости восхищены.

В Ликиных губках новая ромашка и грустиночка. Она ещё раз оборачивается вопреки торопящей её Кати, и – взмах тремя белыми пионами. Это - мне....

* * *

Прошло три года с того события. За это время Катю в городе встречал дважды. Однажды на рынке - она была с какой-то женщиной. Так же улыбчива и приветлива. Учится в медицинском институте. Более поговорить не удалось. Спут-

ница ждала.

Второй раз, спустя год, помахала мне из окна автобуса. О Лике ничего не слышно. Да и стали большем порастать, забываться та встреча и общение с девушками....

Новый год, так уж вышло, пришлось встречать одному. Половинка моя была в областной больнице. Кое - кого посетил днём, пожелав доброго Нового года. Кое - кого поздравил по телефону с наступающим. Без пятнадцати двенадцать выставил на стол шампанское и фрукты. Новый год! Новый год! Сейчас начнутся звонки и поздравления....

Уже и Президент поздравил.... Звонок на домашний телефон. Отставляю шампанское, иду - кто-то из друзей. Но голос женский молодой, и... знакомый: «Спаситель мой. Это - Лика. С Новым годом Вас! Знаю, что у Вас печальное настроение и Вы один. Всё будет хорошо, и - ничего плохого. Я помню о Вас с благодарностью....»

Звон курантов.

«....Как лучше бы выразить... Я поднимаю за Вас бокал, за Ваше здоровье ... за Вашу доброту и надёжность. О спасении моём сейчас маме рассказала, и папа знает, и сестрёнка, и братик в армии. Все о Вас думают только хорошо.... Хотели бы и видеть. Не думайте плохо обо мне ...это моя просьба.... Было всё тогда как-то особенно – впервые... и такое испытание - значимо. Оттого и уверенность - среди людей... мужчин – есть надёжные.... Настоящие. Всё ярко помнится. И Катя, и Вы, и день тот... на всю жизнь. Не преувеличиваю!

.... Оттого и живётся с надеждой, легко....» Пауза....

- За меня поднимите бокал, так хочется мне.... С Новым годом, с Новым Счастьем! Спаситель, Вы, мой.... Я не прощаюсь...».

Но - пауза. И гудки, гудки.... Я так ничего не сказал....

Вернулся к столу, открыл шампанское, налил в два фужера. По телевидению праздничный концерт. Он показался не торжественным, и не праздничным Я поднял один из бокалов: «С Новым годом! За здоровье всех родных и близких, друзей и знакомых!»

Второй бокал стоял чуть поодаль передо мною на фоне телеэкрана, искрясь и пенясь. Я поднял его: «За девочку Лиду, её родных! За её счастье и здоровье! За её будущее!»

И улёгся с каким-то облегчением и очищением души, но не спалось. Тревога за половинку, и ... досада какая-то. Звонили знакомые и друзья, поздравляли, желали....

Но, Лика... Лика.... Откуда ей известно и домашний телефон, и что я один, и что у меня не лучшее настроение, тревожно и грустно? Всё ко времени и приятно, но как-то странно всё.... Как в доброй сказке. А, вот.... досада не проходит....

На мгновение всплыло её личико из того необычного летнего дня и общения с девушками. Как нарядная, весёлая картинка, написанная теплыми и яркими красками! Как подарок! Как сладкий душистый пряник! А звонок Лики, почти незнакомой милой девушки, показался мне добрым предве-

стием в наступающем Новом году.

* * *

Кто сказал, что чудес не бывает?

Светлое – долго светится, доброе – долго помнится, в памяти не стираются....

А прошлой весной я встретился с Катей. Вернее - с Катиной семьёй. Она и молодой человек приятной наружности и спортивного сложения. Он катил детскую колясочку с розовой ленточкой, а Катя шла впереди и улыбалась. Не мне, на другой стороне улицы она меня не могла заметить. А так – Весне, Солнышку и Жизни. И всем-всем Людям. Она всегда улыбается.....

Июль 2007- Июль 2013.

ЧИФФ

Лето начиналось знойное, яркое. Небеса синие с самого раннего часа жарко начинают освещаться. Утренняя свежесть исчезает по мере того, как багровый солнечный диск, раскалённый докрасна где-то ещё за окоёмом земли, в бездонном космосе, за морями – океанами, начинает выкатывать свой светлый живительный лик. В этот ранний, ещё нежаркий час на дачных участках и в округе буквально всё оживало, хотя и безлюдно ещё.

Картофельные побеги, казалось, стремительно вырывались на поверхность земли бледно зелёными стрелками, яр-

кой зелёной щетиной топорщились луковые и чесночные грядки после вчерашнего полива, пионы с треском рвали соцветия бутонов – к свету, к радости. И все остальные посевы и посадки стремились к этому же....

Заливался уже в небесной голубой дымке, с одной стороны ещё сумеречной, от не совсем ещё ушедших ночных теней, невидимый жаворонок в своей торжественной песенке. Ярко и звонко, цветисто, по-своему неповторимо и категорично, четко, не сфальшивив ни одной нотки, вторит своё подтверждение о быстротечном торжестве жизни малиновка, что гнездится уж который год среди ягодных кустов. В лёгкой, туманом исходящей дымке, ивовые заросли, откуда чувствуется дыхание свежести. Там – река....

И там свои запахи и звуки, проснувшиеся с первыми лучиками. Главный запах – речной воды, за ним – и остальные, живительные. Похожие и отдалённо напоминающие – этот главный – ила, водорослей, ивовой листвы и туманной дымки. Усиливавшиеся и достигающие своего апогея с яркой яркостью и жаром выкатывающегося светила.

Шорох крыльев, плеск и сдержанный говорок приводнившихся диких уток. Возня и писк птах. Кажутся ещё шорохи плавников рыб о камыши и водоросли в речной протоке. И шорох времени, что витает в воздухе над всем этим благолепием....

Душа моя, отметив этот миг, вдруг восхитившись, как бы воскликнула: «Чудо, чудо – то какое!» И, поверив в неисся-

каемость окружающего мира на всё это, стала всматриваться и прислушиваться в поисках чего-то нового....

А новое чудо не замедлило явиться. В виде желторотого воробышка: «Чиф-ф!» Прямо у моих ног. А следом – в тревожном крике воробыха – пор-р-х-х - за ним с сосны, где у них гнездышко в скворечнике, почему-то забракованном скворцами.

Воробыха, не выдержав близости со мной, тут же поднялась на сосну, где из скворечника доносилось громкое чириканье остальных молодых воробышков из выводка, чей братец, (как я его тут же окрестил), Чифф так отважно выпорхнул преждевременно навстречу неизведанному, тоже – к жизни, к свету. И, несколько меня не испугавшись, отважно подступил ко мне. Совсем вплотную, громко заявляя опять, что он - Чифф.

Я, присев на корточки, с интересом стал рассматривать свалившееся на меня это новое чудо.

Воробышек крупный, желторотенький, окрас светленький ещё – новенький, можно сказать. Поблескивает бусинками глаз на меня с любопытством и громко выкрикивает своё имя. И – подступает, подступает ко мне. Но в руки брать храбреца я не стал – не хотел нагонять беспокойства на воробыху, что несколько раз уже опять пыталась подсесть к нему, но опять упорхивала на сосну. Отошёл я – дал воробыхе покормить кроху. Примолк Чифф на мгновенье, проглотив корм. А я занялся своими делами, изредка пригляды-

вая за ним, оставшимся на дорожке.

А воробиха между тем выполняла материнский свой долг. Ловила букашек и – раз-два порхнёт к скворечнику с добычей, и опять несёт корм этому – Чиффу. А тот сидит между грядок ждёт, озирается, посмотрит на меня, да и закричит громко так: «Чифф, Чифф»...

А потом, между делами заметил я - любопытен же этот Чифф. Глаз с меня не сводит – начал бегать – скок, скок по дорожке за мной. Я по какому-то делу туда, и он – за мной. Я сюда – и он тоже. Тут и воробиха приспособилась. Принося корм, перестала бояться меня. Толкает ему корм в желтый ротик в шаге от меня, такую дистанцию, не более, держал Чифф, а тот смотрит на меня и норовит очередной прыжок совершить в мою сторону...

Так и пробегал за мной весь день кроха воробышек. А вечером, когда уже стало темнеть, нырнул – схоронился под поленницей у бани.

Утром, едва я появился на участке, а Чифф уже бежал навстречу мне громко выкрикивал своё имя. День был поливочный, взял я шланги и давай поливать то да это, жара, и так почти весь день. Вижу - помощника моего жажда одолела – крылышки распустил, по земле волочит, ротик разинул, бегаёт за мной молча, но так и бегаёт-скачет. Набрал я в плошку водицы, поставил на дорожке. Увидела воробиха, подсела на краешек, попила сама, да и, зачерпнув в клювик воды, попоила желторотика раз да другой. Ожил Чифф, кры-

лышки пободрее приподнял, живее стал за мной скакать и опять при этом кричать громко. А потом, гляжу – уже и сам присев на край площадки водицу глотает. И уже припорхивать крылышками за мной стал пытаться во время бега.

И в третий день встретил меня Чифф на дорожке, опять бежал навстречу и кричал громче ещё, но несколько по другому, с какой-то паузой небольшой, так, что показалось мне теперь: «Я-Чиф! Я – Чифф!» Улыбнулся я ему, разговорчивому такому, присев перед ним в полушаге.

Рассматриваю – два дня прошло всего, а Чифф изменился – полоска желтая у клювика поуже стала, не такая яркая, и – перышки как-то поглаже смотрятся. Взрослее стал. Но всё такой же приветливый и любопытный, и ротик не закрывается: «Чифф! Чифф!» И бусинки глаз, кажется, уже осмысленны...

Поливать пришлось опять весь день. Чиф от меня не отставал, в шаге от меня весь день пробегал припорхивая. В конце дня поставил я разбрызгиватель между морковных грядок, в домик ушёл подкрепиться. Чиф, примолкший, остался там. Тут и воробыха с кормом подлетела.

Спустя какое-то время вышел я из домика и слышу оживлённый его голос. Вижу – из брызгалки над грядкой в лучах вечерних тёплых веер прозрачных водяных струй, играющих всеми цветами. А под ними на дорожке среди зелени – Чифф, радостно так крылышками машет, душ принимает, порхает, чирикает, и так повернется, и так порхнёт-под-

прыгнет. И кричит, кричит восторженно на весь сад под теплыми светлыми струями счастливая кроха, озаряя пространство светлой радостью: «Я-Чифф! Я-Чифф!»

Залюбовалась душа моя, восхитившись: «Надо же, радость-то какая светлая, бескорыстная! От птахи немудреной-то вовсе, божьей....»

Подумал я - что бы сделать приятного дружку моему такому приятному? Сообразил – в шаге от него поставил, перевернув вверх дном, кастрюлю солнышком нагретую, отошёл. Накупался Чифф вволюшку и – скок на кастрюльку тёпленькую. Огляделся примолкший, стал крылышками махать - отряхиваться, клювиком пёрышки расправляя, а подсушившись, опять закричал восторженно. А тут и – мама с едой подлетела. Проглотил пищу Чифф и ещё громче запел – зачирикал. И до вечера не сходил с неё, следя за мной бузинками глаз, выкрикивая немудреную свою песенку.

И мама к нему с едой туда же подсаживалась. Пор-рх да пор-х-х – кормила – не ленилась чудесного желторотика своего, и остальных - тоже....

Но в следующий мой приход меня никто не встретил. Походил я, походил – нет Чиффа. Даже немного грустно стало. Посмотрел на сосну, где скворечник с гнездом воробьиным – никто не пищит, воробья не суетится. Начал понемногу работу. Смирился с мыслью, что теперь уже не увижу своего знакомя. Улетел, повзрослел, да и – все улетели... и он с ними....

Немного спустя, слышу за собой порханье крылышек, распорядительный и строгий окрик воробихи. Обернулся – сидят на штакетнике семь серых птах. Воробыха и шесть её деток. Сидят рядом и молча, все смотрят на меня. Хорошие такие, чистенькие, ладненькие – как-то так и необычно всё. Будто попрощаться или до свидания сказать прилетели. Смотрят на меня...

Но вскрикнула воробыха, властно скомандовала что-то. Порх! Порх! – недружно поднялась стайка. Но улетели не все – один воробышек молча остался на штакетине. Смотрит на меня. Я молчу, не двигаюсь, не шелохнусь, смотрим друг на друга. Серая птаха сидит – головку то так повернёт, то так – то одним глазком-бусинкой взглянёт на меня, то другим. Не улетает. Осенило меня – да Чифф это! Чифф! И как бы в подтверждение – спрыгнул воробышек с оградки и – скок, скок – в мою сторону, и уже близко совсем.

Но опять услышал я тревожный повелительный возглас воробихи, кажется – с сосновой кроны. Отвлёкся на него в мгновение, смотрю. Воробышек, слышу – ответил громко: «Чифф! Чифф!»

Пор-р-хх.... Смотрю я – и нет никого на дорожке. Улетел Чифф...

Июнь 2012 – январь 2013.

ОСЫ

Лето. Строил баньку на даче как-то. Понадобились доски

для перекрытия. Вспомнил, что на старой даче на чердаке домика был у меня запасец. Приехал, подставляю лесенку к дверке чердака. Залажу по ней и открываю вход.

Чердачок низенький. Разве что на четвереньках туда можно войти. А уж встать-то как? В дальнем конце чердака стопа досок, которые я сложил ещё несколько лет назад. Долежали до своего часа. Пробираюсь к доскам. Жарко, пыльно, крыша раскалилась. Слышу какой-то характерный монотонный гул, такой как можно услышать летом у рабочего улья с пчёлами. Но понять не могу что это, и даже не догадываюсь, что бы это быть могло. Да и не до этого...

Начинаю вытаскивать доски по одной и перекладывать к чердачному лазу. Но сновать туда- сюда с каждой доской согнувшись не очень-то легко и не очень-то удобно. Встаю на корточки спиной к стопе досок, на ощупь вытягиваю их по одной и подталкиваю к выходу. Так проще потом сразу выбросить их в отверстие лаза. Неудобно работать, но, наконец, доски в стопе кончились и теперь лежат впереди меня, у входа, но из-за них мне сложно подступиться к нему. Пришлось по доскам ползти в тесноте и выбрасывать по одной, иногда и ползком пятиться, чтобы из этого завала какую-то плашку освободить, да вперёд подтолкнуть, сбросить. Устал в тесноте, душно и потом от жарищи истёк. Лёг на доски – отдохнуть, хотя не очень и удобно-то.

Лежу, раздумываю. В чердачный лаз небеса знойные бездонные рассматриваю. А ниже – крыши домиков соседских

среди зелени садов – раскалились от полуденного солнца. Вон ласточка мелькнула. В раскрытый лаз влетают крупные...осы. Гул...густой. Жужжат. Ползает кто-то по моей голой взмокшей потной спине.... Ползают по голове. И догадываюсь – да осы же!

Щёкотно так и...опасно. Я замираю. Сейчас вот жалить начнут, душа сжимается в комочек – не убежать и не отмахнуться. По рассказам бывалых знаю, что это смертельно опасно. Менее десяти укусов достаточно. Поднимаю взгляд на крышу чердака – только и можно в моём положении беспомощном. А там, под крышей огромный клубок осиногo гнезда. Осы устремляются в лаз, другие - вылетают из него. Некоторые к клубку гнезда - замечаю - спешат, исчезают в ячейках. Гудит клубок. Некоторые устремляются надо мной дальше под крышу. Куда же они?- соображаю. И ловлю себя на мысли той глупой. Не всё ли равно: тебе бы – думаю про себя, сейчас благополучно ноги унести по добру - по здорову. И - слышу - такой же гул где-то над собой, и за спиной – тоже. И ползают, ползают по мне....

Первой же мыслью было броситься прочь отсюда поскорей сломя голову. Но что-то подсказало мне – не суетись, не машись. Осторожнее, осторожнее! И заставляю себя остороженько без резких движений ползти к лазу. А осы ползут по мне – так и хочется отмахнуться.... Но, опять команду про себя – себе же – спокойно, спокойно! Ползу....

Вот и лаз, выглядываю – воздух здесь прохладнее. Дышу

с вожделением. Прямо перед моими глазами влетают и вылетают осы. Сколько же их? Прямо же, перед моим носом садится мне на запястье крупная оса, ползёт по руке к плечу и... не кусает, ползёт. Рассматриваю её – чёрные и золотистые полосы по телу – красивая, даже и совершенная, какая! Но замирает душа.... И опять назойливое желание – смахнуть бы. Усилием воли спокойненько, плавненько разворачиваюсь ползком – к лестнице. И по ступенькам – вниз. Там уж и вздохнул с облегчением.

Оглядываюсь вокруг. Лето – во всей красе. Через лаз осы густо снуют. Вход – то теперь свободный. До этого они туда проникали только в щели под крышею. Та, что до плеча добралась и, как бы раздумав ползти дальше, взвилась в небеса знойные.... Слышу – уже и по спине никто не ползает... и по голове – тоже

Уф-ф! Пронесло! Но, осмелев, наконец, – поднимаюсь по лестнице, заглядываю в открытый лаз, в котором туда и обратно снуют крупные осы. Меня опять не трогают. Вытягиваю оставшиеся доски, сначала с опаской, потом смелее. Сбрасываю вниз. Облетают осы меня, и... ни одна не укусила, замечаю под крышею шесть огромных висячих гнёзд. Хорошо, что я в тесноте не задел головой ни одно из них. Что было бы! Посмотрел, подивился и захлопнул дверцу. Возмутились осы – зажужжали, заклубились. Некоторые даже в возникшую преграду побились. Но исчезли, разлетелись, и каждая нашла щель на чердак к своему гнезду. После, тоже

по надобности я несколько раз ещё лазил туда. Теперь уже без опаски и смело, соблюдая распорядок мирного сожительства, всё так же – не машась, не разрушая гнёзд. И ещё по мне осы ползали. Но, ни разу я не был укушен ими.....

Сейчас силюсь вспомнить – укусила ли хоть одна оса из семьи моей или соседей. Да нет – вспомнился один только случай, рядовой вполне, для меня, росшего среди деревенских окрестностей. Однажды только дочку мою укусила. Она тогда была ещё подростком. И то – считаю, что это было нелепой случайностью и, можно сказать, по вине самой Оли. Села оса ей на руку. Так просто - ни с того, ни с сего. Может, представиться или познакомиться - посидела бы чуток, да и улетела. Но у теперешних городских жителей, у многих-кстати, врождённый ужас даже перед такими безобидными представителями природы, как осы или пчёлы...

Села оса, а Оля в ужасе сразу же и - шлёп её, и отмахнулась. Промахнулась Оля – отлетела оса, да тут же и вернулась. И не сразу, а немного спустя, когда никто уж и не ожидал её. И – кусь! - в то самое место, откуда её согнали. Не любят они, когда перед ними машутся...

Хочется подсказать для всех, вывод чтобы сделали, для себя-то я сделал давно. Опыт деревенского детства подсказывает – с природой нужно уживаться терпеливо и мирно. Всем польза будет. Ну, что бы тогда было со мной на этом тесном жарком чердаке, откуда не так –то просто и быстро было выбраться, если бы начал я там махаться, где уж навер-

няка - ос было несколько сот. И представить – печально и страшно. И досок бы я не достал....

Кстати, если так судить, то скажу всем. Я не разрушил тех гнёзд. Жили осы там, видимо, несколько лет до описанного случая, жили и после много – много времени. Летали по моему саду и окрестностям, опыляли всякие растения и посевы, принося пользу и себе, и людям. И никого не трогали....

Когда продавал участок новому хозяину, то и рассказал про этот случай, и просил не трогать ос. И они с супругой выполняли мой завет. При встрече говорили с улыбкой: « А осы-то так и живут».

И так было много лет. Отрадно, отрадно было слышать....
Июль 1989- январь 2012г.

РАДОСТЬ

Июль. Работаю на садовом участке, солнышко жарит. Трава прёт после дождей – уже с грядок да дорожек целую копну нарвал. Пойду, думаю, искупнусь. Река рядом.

В этом году из-за дождей в верховьях, уровень в реке вслед за весенним паводком держится долго. Река притопила прибрежные кусты по всему руслу. Вода подступила к краям берега, течёт мутная от настоя растительности и ила, глубоко затопив ранее сооруженные капитально из металла мостки, которые существуют несколько лет. Стою в ставшем от паводка коротким спуске к реке, комары попискивают, жалят. Но делать нечего, прыгаю в узкую водную дорожку среди зе-

лѐных кустов – благодать-то какая! Вода значительно теплее, нежели в мае, когда я открывал сезон купания в этом же месте. Помнится, уровень в реке был, примерно, таким же. Побултыхался, поплавал едва выплыв за кусты – течение сильное, если проплыть дальше, то где выбраться – спуски к реке везде затоплены. Поплыл назад. Освежённый, бодрый, кое-как выбираюсь по заиленной дорожке на берег. И радость моя от прилива сил и бодрости возрастает стократно....

2 июля 2011г.

СЛАДКАЯ УШИЦА

Июль – время не для рыбалки удочкой. Не клюёт рыба. Наевшись досыта, после зимовки и икромёта становится ленивой и привередливой к рыбацкой насадке. Отдыхает. К тому же, пищи вволю в подводном царстве – тёплая вода способствует росту водорослей и различного планктона. После половодья, обычно, хороший клёв бывает у нас в июне. Появляется елец целыми стаями. Он прожорлив в какое-то время и неприхотлив. Хватает на всё – на тесто, на червя, на кузнечика, на хлеб и ручейника.

Пух от отцветающего речного тальника служит индикатором его появления. Осевшие на воде пушинки расхватываются жадно стайкой ельцов – и вода как бы кипит при этом – тут уж удильщик не зевай. Клёв будет отменным. Охотно клюёт и окунь, карась.

Но эта весна затянулась, и тальник отцветал, чуть ли не в

середине июля.

Подошёл к реке и глазам не поверил – июль, а ельцы пушинки хватают жадно в не опавшей ещё от паводка заводи. Постоял у реки пошёл работать на садовый участок. Уставши, вспомнил об отдыхе. Осенило меня – удочка есть, не порыбачить ли? Откопал несколько червяков, взял удочку пошёл к реке.

Но время было послеобеденное, неудачное для клёва. Бросив подкормку из раскрошенного хлеба, простоял около часа. И ни-ни – ни намёка на клёв и удачу. К тому же с запада с грохотом стала надвигаться тёмно-лиловая дождевая туча. Хотел, было, уйти, но поплавок мой резко повело, потащило, утопило. Раз, другой, опять повело в сторону затопленных кустов. Подсекаю добычу, чувствую резкое сопротивление. Вытаскиваю нарядного приличного окуня. Приободрился, но... заморосил дождь.

По опыту знаю, что иногда хорошо клюёт и в дождь. Но тот усаливается, грохочет и вспыхивает небо вспышками молний. Резко зарябило на воде, да так, что и поплавок мой виден едва-едва. Стою, мокну – задумался – не уйти ли. Глядь – а поплавок моего нет, а удилище передаёт моей руке сопротивление добычи.

Вытаскиваю серебристого, отчаянно быющегося ельца. Радостно стало, не смотря на ливень. Забрасываю удочку, в безликую от капель, рябящую реку, где поплавок и не видно. И тут же по толчкам в удилище ошущаю добычу. Подошедшая

стая ельцов была голодна и проворна, и в ведёрке моём в одно мгновение оказалось с десятков серебристых рыб.

Но клёв длился недолго. И непонятно почему – была ли эта стайка пролётной мимоходом, или повлияли прекратившийся дождь и засиявшее солнышко, или час такой настал – неклёвый. Клевать перестало враз с прекратившимся дождём.

Ещё час простоял я с удочкой, мокрый, изъедаемый комарами, чем-то необычайно воодушевленными после дождя так, что и вздохнуть было проблемой. Однако добычей моей стали только два небольших окунька. Но было так приятно ощущать греющее ласковое солнышко, запах зелёных кустов и воды, яркие краски заматеревшего июля. И даже было ощущение чего-то необычного от прилипающей, мокрой, потеплевшей, от солнца дымящейся, подсыхающей моей одежды.

Ухожу на садовый участок и варю уху на железной печурке, что у домика.

Приходит моя половинка и, ощущая витающие дразнящие запахи моей кулинарии, благо – нашлись и перец горошком и даже лавровый листик, как-то недоверчиво говорит: «А ну-ка плесни и мне...» Но, раскушав, удивлённо восхищается.

Пошёл дождь опять. А мы в домике под его всплески хлебали вкусное такое варево, пахнущее дымком, из свежей отловленной только что рыбёшки. Было так вкусно, что вспо-

миналось даже зимой...

13 июля 2010г.

КОЛЮЧИЙ ПЕШЕХОД

Когда-то давно этот благодатный уголок Абрамовской рощи я называл про себя Ежовым Углом. Всё оттого, что однажды весной, приехав я за берёзовым соком, в какой уж раз, неожиданно для себя обнаружил проснувшегося из зимней спячки ежика. Он только что вылез из своей зимней постельки – клубка сухой травы, что в корневищах старой берёзы, из которой я брал сок. Видом он напоминал, ну, точь-в-точь, только что проснувшегося человека – глазки заспанные и, кажется, мордочка недовольная – разбудили ведь не ко времени, он даже слегка позёвывывал, неожиданно так оказавшись среди залитого солнышком леса и пробивающейся уже зелёной травки. Показалось тогда, что, спать бы ему, этому ёжику ещё дней несколько, но я разбудил нечаянно, раньше как-то я этого клубка из сухой травы не замечал.

Дальше больше – при каждом посещении в разные периоды я всегда, почти, встречался здесь с одним, а то и двумя-тремя колючими, за редким исключением. Такое явление не ускользнуло от внимания и у моих детей, что приезжали со мной. Они как-то с удивлением сказали однажды: «Опять ёжики.... Ну, пап, прямо ежовый уголок».

Ну вот, побывал я здесь по грибы и нынешним летом. Мне повезло – набрал полведёрка отличных опят – оленят, так

мы называем такой вид опёнка за окраску – пятнистую, да несколько подберёзовиков и белых грибов. Отмечаю про себя: «Что-то ёжиков не видно».... Ну и лето ведь – трава высокая, где тут увидишь. Однако, довольный грибами, собираюсь домой. Еду на «Жигулёнке» по просёлку, а с обеих сторон – высокие травы стеной. Еду тихонечко, любуюсь цветущим этим великолепием, солнышком ярким. День яркий, нежаркий такой, приятный. А запахи-то, запахи от всего цветущего этого окружения!

И опять мысль – что-то ёжиков не видел, как – глядь – не спеша, но как-то устремлено, но и не суетливо бредёт по просёлку серенький колючий комочек впереди машины. Время от времени зачем-то останавливается, что-то понюхает на просёлке, деловито так. И – дальше. Никого вокруг не замечает. Идёт и идёт себе. Думаю про себя – свернуть-то ему некуда – с обеих сторон травы стеной.

Так я понаблюдал за ним какое-то время. Куда же он пойдёт? И вот – ёжик сворачивает вправо и исчезает в высоком плотном травостое, чуть постояв перед ним, как бы раздумывая – туда ли ему. Подошёл и я, когда скрылся колючий пешеход, и обнаружил нечто похожее на едва заметную ежовую тропинку среди трав. Знал её ёжик.

3 июля 2011г.

Соперники

Сижу с удочкой у реки уж который час. Клёва нет. Жарко.

Ранее я сидел на левом берегу Оми. Но, заметил, что не обитает здесь рыба. А причиной тому высокий тальник, загораживающий солнышко, и ещё – там много подводных ключей с обжигающе холодной водой. Сеть ряжевая стоит у меня там уже с неделю – так и в неё ничего не попало. Кажется, не хочет там обитать никакая рыба. Вот и переплыл с удочкой на правый берег. Здесь тоже очень высокий тальник, но прибрежные воды хорошо прогреты солнышком. Хотя и здесь клёва нет. Нет и всё. Вот уже и подкормка кончается. Подумываю уже – не переплыть ли назад да не отдохнуть ли от жары в садовом домике?

Но раздумья мои прерывает плеск – что-то упало в воду рядом с моим поплавком, заметил - мелькнуло что-то. А потом в сторонке из воды что-то вроде бы вынырнуло – но что, за кустами не видно. Сколько я не смотрел на высоченный тальник над собой, ничего не заметил, что бы могло это быть. Спустя некоторое время это повторилось, но в этот раз я заметил, что в воду мягко плюхнулось что-то небольшое изумрудно-зелёное. И, кажется, не плюхнулось, а аккуратно нырнуло, спланировав – скорее всего какая-то птица, будто зелёно-голубая искра мелькнула. Однако, и в этот раз мне не удалось заметить, вынырнул ли кто из воды и где – высоко-рослый, густой ивняк вплотную подступал вокруг, загораживая и водную гладь, глубоко нависая над руслом реки. Это-то и заинтересовало меня, не дало поспешно перебраться на садовый берег, назад.

И вот, показалось мне, что над моей головой кто-то есть. И в какой уж раз, вглядываясь в густую листву нависшей надо мной ивы, замечаю птичку в ярко зелёной поддевке с оранжевым нагрудником. Она несколько неказисто выглядит на мой взгляд – голова великовата для её размеров, и хвост куцеват, и клюв несколько длинноват, и толстый. Птица не из пугливых и ведёт себя как-то располагающе к моей персоне – будто мы здесь делаем одно дело. По крайней мере, мне так показалось, и как потом выяснилось – не зря.

Птица не испугалась, когда я встал с кочки и начал бросать в реку остатки подкормки, наоборот - она оживилась, насторожилась. А когда в струях реки блеснуло живое серебро рыбёшек, привлечённых кормом, птичка тут же и нырнула. Через несколько мгновений она уселась неподалеку на корягу с чебачком в клюве, которого тут же проглотила. Стал вспоминать название птицы, моего конкурента. Вспомнил – кажется, зимородок она зовётся, птица-рыболов.

Так повторялось несколько раз, причем, нырял он всё дальше по течению - подкормку мою сносило, и рыбёшка следовала за ней. Каждый раз, усевшись с добычей на облюбованную корягу, птица продолжала свою трапезу. Но вот, насытившись сама, птица юркнула в кустарник вместе с очередной добычей – явно понесла его к гнездовью потомству. Но тут же в моём понимании возникло противоречие – птица-то зимородком зовётся, наверное, зимой выводит птенцов. Но этот вопрос так и завис в моём сознании....

У меня же рыбалка не клеилась. Даже мелочь чебаковая, которой в реке было достаточно, не хотела клевать. Но возвращаться на свой берег я не спешил, заело любопытство – появится ли ещё зимородок?

Ждать пришлось недолго – замечаю над своей головой на высокой иве зелёную птичку. Она или не она? – думаю. Птица перелетела на корягу пониже, где трапезничала, и стала вглядываться в воду, где без всяких надежд дремал мой поплавок. Тут я разглядел её получше – та и не та птица: похожа, но одёжка на ней поскромнее – зелень блеклая и нагрудничка такого яркого что-то я не заметил, не разглядел – нырнула она рядом с моим поплавком. Вынырнула с добычей и – прямым полетела в кустарник. А на коряге замечаю уже другую птицу – ту, первую, с нагрудничком ярким. Тут и вернулась птичка, что улетала в заросли с добычей – знать подружка его, первого рыболова. Стали они вместе рыбачить, и довольно удачно. Только он со своего места нырял – с высокой ивы, что надо мною, а она с коряги, что левее. Но с добычей оба исчезали в зарослях левее меня. Знать – потомство кормили соперники мои, соседи пернатые, интересные.

А меня мучил вопрос – птиц-то название – зимородок, а эти потомство своё летом вскармливают. Объяснения на него не нашлось....

Скажу только, что в этот день остался я без добычи, но конкуренты мои рыбачили на моём месте успешно. Тут и со-

зрело у меня решение - перенести сюда свою сеть, что я и сделал днём позднее. И был за труды свои вознаграждён достойно – буквально на следующий день обнаружил в сети как на подбор, шесть двухкилограммовых линей.

4 июля 2005 года.

ГРИБНАЯ РАДОСТЬ

Начало июля. Буйно зацвели травы, во всей красе берёзовые рощицы, пропахшие берёзовой листвой, Другие запахи от трав и цветов здесь ощущаются слабее – стоек и крепок здесь дух берёзовый. Но, выйдешь из околка, и другие запахи сильнее ощущаются – здесь царствуют лабазник и клевер, тысячелистник и ромашка, зверобой и полынь, и ещё многие и многие цветущие буйством травы. И всё это разнообразие создаёт неповторимую гамму пейзажей, ароматов, которые в свою очередь порождают в душе гамму хороших чувств и душевных порывов. Срываю сочный стебель пучки, жую с восхищением. Иду в околок – там заметил я заросли пучечника. И вот в буйстве этих ароматов и запахов леса улавливаю такой тонкий и знакомый – грибной. Заозирался, заспешил на этот запах, и вот, глазам своим не верю - стойко и одиноко стоит крепко на толстой ножке, нахлобучив по глаза крепкую свою шапку, белый гриб. В отдалении замечаю ещё один. Тёплая волна тихого лёгкого счастья затеплилась в душе от такой удачи. А потом ещё и ещё стали попадаться на моём пути крепкие ядрёные белые грибы – и совсем уж

зрелые, великолепные, и совсем молоденькие крепышата. В общем набралось полное ведёрко.

Через пару дней повторил я такой счастливый поход с таким же результатом! Пришёл и в третий раз, но... всего только три белячка нашёл, хорошего помаленьку....

Кончился первый слой – так говорят грибники

Зиюля 2011г

Крылатые рыбачки

Как-то давно, лет десять тому назад, стояло тёплое лето. И на реке Оми, где она протекает по территории садового общества, люди семьями постоянно купались. Не отставал и я. Какое блаженство - после работы окунуться в прохладную водицу, поплавать, побултыхаться! А потом – опять под горячее солнышко!

Но купаться в тесноте на мелководе, во взбаламученной воде, где много страждущих окунуться, мне всегда не нравилось. Поэтому, прикинув расстояние по течению реки, места среди густо заросших ивой и травами берегов, где можно выбраться, я избрал себе дистанцию – два поворота реки, всего-то с полкилометра. Проплывая это расстояние, летом, почти ежедневно, как позволяла погода, я выбирался на берег и приходил назад пешком. Что тут скажешь – выбрался и идёшь к себе, возвращаешься, а вокруг тепло, светло, зелено. Ветерок тёплый приятно овеивает обнаженное тело, а под босыми ногами – травка или теплая мать-землица – первозданность, как-то теперь уж и непривычная, но она всегда

приветствуется нашими душою и телом, осязанием и обонянием – она всегда в наших генах. Организм наш – всегда тоскует по ней, а когда соприкасается вплотную с нею – блаженствует. Ликует!

А когда плывешь, оглядываешь реку, что несёт тебя ласково на прохладных струях, тоже можно многое интересного подсмотреть в природе – тут же на воде, на лопухах кувшинок, в подступившем к самой воде ивняке, в небеса взглянув бездонные, или, опустив голову в воду, и там, раскрыв глаза, многое увидишь интересного!

Вон зимородок – сидит себе над водой на коряжине – высматривает, а увидев мелькнувшую в воде рыбёшку, срывается вниз, ныряет, и никогда его я не видел вынырнувшего без добычи. Вон трясогузка бегаёт у самой воды - чего бы ей там делать? А пригляделся – собирает мелких рачков, откуда вода только что отступила. Улетает и вновь прилетает – опять собирает. Что-то для меня новое – обычно эти птички в садах да огородах промышляют. А вот – перед моим носом зоркая чайка плюхнулась за рыбкой – поднимается с чебачком в клюве. То же самое, наверное, и коршун обгоняет меня, но тихо так летит, деловито, и тоже зорко высматривается в текущую медленно речную мутноватую водицу. Ну, и косит ещё глазами на прибрежные кусты – зазевавшуюся птаху высматривает. А в воде – свои обитатели. Вот – жук-плавунец зигзагами промерил по верхнему тёплому слою. Мошки, комарики и разноцветные стрекозы над водой парят. Не по-

думал бы и не поверил – огромный шмель выписывает зигзаги и спирали, жужжит в сантиметре от речной тугой струи. Этому-то чего здесь нужно? Ондатра, увидев меня из-под нависшего над рекой тальника, почти беззвучно ныряет, и тут же, совсем недалеко - выныривает, плывёт в стороне впереди меня. Может, от коршуна таилась, а в тальнике шныряют уже подросшие сорочата. Гнездо у них тут – знаю. А в воде, таинственном подводном царстве, стайками мельтешат - снуют рыбёшки головастики-мальки. Мелькнуло в затенённых струях живое серебро подвязка средь дебрей слегка волнующих течением водорослей. Сытый щурёнок из-под прогретых лопухов хищно смотрит в этот мир. Брызгами перед глазами моими взмывает в воздух мелочёвка рыба, а следом – полосатый окунь. Опять плюхаются в свою стихию. Нагнал страху полосатик на мелюзгу – рады бы из чешуи выпрыгнуть. Хлеб насущный даром никому не даётся.... Как различить тут – насущный или не насущный? Кое-кто, да - многие - откровенно разбойничают.... Охотятся на ближнего Но всё равно – дарового нет пропитания....

Переворачиваюсь в прохладной струе на спину, продолжая плыть к пристани своей, где всегда выбираюсь. Теперь подо мною ласковые освежающие водяные струи, подушкою голове - тоже они, а в глазах – только небо синее - синее бездонное, без единого облачка. А под самым его, отцветающим от зноя, куполом - точкой, ликующей, порхающей серенькой, на маленьких слабеньких серых же крылышках, с восхища-

ющей и бессмертной своей песенкой-трелью в крошечном клювике – жаворонок. Да – это он! Никогда не ошибусь! А ниже, ко мне поближе – «крылышками играет», тоже – на одном месте, замерев, в знойно прогретом прозрачном воздухе – ястребок. А «поиграв», срывается в полёте отвесном на ступень пониже и издаёт знакомое с далёкого мне детства что-то тоже торжествующе-ликующее, звонкое и пронзительное: «Ки-ли, ки-ли, ки-ли!» И опять «играет крылышками», так говорили мы тоже в детстве, молча зависнув в солнечном пространстве. А рядом со мною – покачивается на безмолвных струях, по обе стороны у берегов – золоти-сто-жёлтое буйство цветущих кувшинок.

По берегам же, свободном от ивняка – травы, травы, травы.... Цветут и ромашка, и лабазник, и кипрей, и сушеница, и даже пырей, кажется – цветёт тоже. Заросли одичавшего шиповника, перевитые вязилём – непроходимы, и плоды завязывают, а кое- где – только отцветают. Ивы, ивы, ивы. Величавые, и густая – буйная и жадная до жизни их молодая поросль, везде, где только в сыром этом уголке падает лучик солнечный. Где травы не успели воспрянуть – ивы, ивы, ивы.... Всё это живое и обитаемое. Граница земли, воды и воздуха. Благодать – для жизни и живности....

Этим летом солнечным, иссушающим, скупым на дожди-ки, я, мне помнится, ежедневно проплывал свою дистанцию. Из-за мелководья – отступившая с берегов река уступила пространство всё тем же ивам и травам. Они вплотную све-

шиваются над лопухами кувшинок. И заинтересовало меня новое явление – лопухи кувшинок как никогда на воде сомкнулись так плотно, в несколько слоёв, что представлялись непотопляемым надёжным зелёным настилом, однако, без единой цветущей кувшинки. Странно-странно! Такое благодатное лето! А вот - поди ж, ты – не цветут кувшинки...

Объясняю себе – от маловодья, может, или слишком тёплой воды. Но вопрос для меня так и остался открытым. У природы свои хитрости, замки и секреты. Вспомнился случай - на одной из полян вокруг города, высокой и сухой, всегда лишь росла невзрачная травка, клубничник с чахлыми ягодками и низенький душистый лабазник. И так – из года в год. Но однажды хмурым неласковым маем пролилось невиданное количество осадков. Прошли дожди и в июне под благодатное тепло и солнышко. А в начале июля я обнаружил на этой поляне густой рослый, буйно цветущий белый и желтый донник, пчёлы так и кишели в этом душисто цветочном изобилии, гудя от натуги, выкачивая с медоноса нектар. У них была беда.

Восхищаясь тогда увиденным, задался вопросом «почему так?» к пожилому, подъехавшему на стареньком «Москвиче», ягоднику. Промолчал он, видимо осваиваясь со мной, незнакомым ещё, как будто не услышав, только поздоровался. Походив по поляне с лукошком, он вернулся ко мне и вполне дружески произнёс, объясняя истину, которую я знал тоже: « Всё просто у природы. Семена трав могут лежать в

землице, не давая всходов, и пятьдесят и сто годков.... Выжидают благоприятного лета.... Вот и донник этот.... нынче. Кажись, тут никогда его не было, а теперь вот – глянь, душе на радость. А других трав и клубники – нет.... Куда что девалось? Замерли – уступили место доннику.... Временно....»

С удивлением вижу – трясогузка-то уже бегаёт теперь по непотопляемым лопухам кувшинок. Совсем рядом со мною, у самой воды. Заглядывает. Что-то склёвывает. Плыву дальше. Вот малёк рыбий, неосторожно сыграв, из воды выпрыгнул да и остался на лопухах. И, может, сорвался бы в водные глубины. Птичка тут как тут, в клюв ухватила и, вспорхнув, улетела. Надо же....

На следующий день вечером в заплыве я опять подмечал те чудеса от Природы-матушки. И новые и старые. Всего-то – полкилометра заплыв, а сколько их, новых знакомств и приятных неожиданностей! Сегодня под ивами уточку увидел с выводком. Утятки уже большеенькие, послушные матери, серенькие и юркие. Кажется, - здесь они жили постоянно, но жили так скромно и незаметно, что их никто и не обнаруживал. Едва я поравнялся с ними в заплыве, они как-то незаметно исчезли всем семейством. Но, когда внимательно пригляделся, увидел – да вот же они, у самого бережка под ивами. Кормятся тихонько, незаметно, не привлекая таким поведением ничьего внимания. Так и вырастают, пока на крыло не поднимутся. Маме серенькой своей послушные, чистенькие, ладненькие....

И всё интересно опять было, и всё по-новому. И приятно и радостно. Но вот ещё – в этот раз уже несколько трясогузок бежали по лопухам кувшинок. В воду заглядывали, что-то склёвывали. Я неосторожно плеснул, проплывая мимо любопытствующих нетерпеливых птичек, этим нисколько их не отпугнул, не потревожил. Бегают, как ни в чём не бывало, в лицо мне заглядывают. Любопытные, нетерпеливые. Они явно чего-то поджидали, по им видно. Но вот перепуганная от всплеска стайка мальков серебряной россыпью взмывает из прогретой водицы у самого края лопухов. Потом – ещё. Две крохотные несчастные рыбёшки остались на них, а тут и - все пять трясогузок. Расхватили. Достались самым проворным, что тут же и улетели. Остальные три остались поджидать своего рыбацкого счастья.

Хочу сказать с удивлением – такого мне никто не рассказывал, впервые вижу. Трясогузка – рыбак.

Июль 2012г.

**САРАНКА
В**

ПЕРВЫЙ

В этот раз на садовый участок я ехал как на праздник. Ехал не один. Со мною - подросший внучок Никитка. Как-никак – мужичок, родня близкая, хотя ему только ещё три с небольшим годочка. Но всё же: какая-то важная веха в моей жизни - первый раз....

Хотя, нет – не первый, не первый. Припомнил: в прошлом-то, ещё году, в мае бросал и бросал мальчонка семенные проросшие клубни в лунки, накопанные мною, из небольшого пластмассового ведёрка – помогал по моей просьбе. Увлёкся, уставал, отдыхали. А он что-то всё лепетал-лепетал. Так и посадили с ним всю картошку....

А потом – осенью помогал и копать!

Отчего было так хорошо на душе после работы. Да и Никитке понравилось: « Деда, всё? » - спрашивая, удивлялся он тогда. И было это удивление для него приятным, восторженным – по мордахе чумазой бесхитростной видно было, светила она довольно: « Мы посадили ». Важно как было-то, и Никитке, и мне - « мы посадили ». И выкопали осенью – тоже с ним....

Значит - не первый раз.... Да, сегодня уж – не первый раз мы едем вместе на настоящее мужское дело.

Решил вчера – всё на участке вскопано, прибрано, посажено – теперь только полоть да поливать. Начало июня. А сегодня и этого не надо делать. Сорняки ещё не выросли, и ночью прошёл ласковый дождик. Паводок в реке откатился, бережок подсох – можно будет и удочкой с него порыбачить.

Заодно и мальчика приручить к этому интересному делу. По себе знаю - по детству у реки. Всё эти планы обещали день интересный. И значит – Никитка на рыбалке в первый раз....

Вот и приехали. Ставим машину под большой сосной возле домика. Куковала в берёзовом лесу по соседству кукушка, радуясь солнышку, зазеленевшему миру, голубым небесам, теплу и свежести. И это звонко – торжественное, такое прозрачное и чудесное: «Ку - ку, ку-ку, ку-ку!» Оно делало нас и вовсе счастливыми. Щурится Никитка на солнышко, слушая такую приятную нехитрую песенку....

На последней, не перекопанной ещё грядке, что под капусту, копали червяков. Никитка не боится никакой живности – будь то червяк, бабочка, ящерка, гусеница или мышка, лягушка. Всё норовит подержать в руках и рассмотреть. Какой-то интерес необъяснимый ко всему живому. Так вошёл в азарт, что еле оторвал от этого занятия – каждого червя в своей ладошке, рассматривал, утверждая, что «они такие интересные и разные». И лепетал, опять лепетал, не понимая ещё - для чего нам черви....

Достали удочки, что зимовали в бане. Растянул лески, проверил крючки, поплавки и грузила. Никитке о каждом предмете говорил подробно. Дошли до крючка, когда я объяснил, что червяка надо насаживать на крючок, задумался Никитка, хотя и ничего не сказал.

По зазеленевшей тропинке меж садов, выходим к бережку, откуда можно забросить удочки. Этой весной был силь-

ный паводок, но вода скатилась мгновенно, оставив на прибрежных кустах наносы ила, травы, и веток. Отчего, только сейчас, с запозданием, высокие ивы, ранее затопленные, едва отогревшиеся и испачканные, кое-где искалеченные паводком, начали зеленеть. Косится мальчонка с опаской на эти заросли - дебри задичалые, смотрит с изумлением, впервой видит такое, на заводь с ещё мутноватой и высокой водой, осторожненько ступает на едва подсохший и зазеленевший спуск бережка.

Прежде всего, у берега разбрасываю подкормку. Объясняю, что и как, сам посматриваю на заводь — нашла ли подкормка своего адресата. Но на поверхности, только небольшое волнение от течения и ветерка. Бросаю очередную порцию. Никитка тоже бросает кусочки размоченного хлеба и крупу в ладошке, но добросить до воды не в силах, чем огорчён. Я успокаиваю, мол, вот — подрастёшь, и всё получится.

Сам же принялся насаживать червяков, Никитка понял участь червя, засопел носом, посмотрел недовольно: «Бона, деда, бона...». Что значит — больно червяку. Не ожидал я такого, но и понимать надо было, как относится он ко всякой живности, пришлось объяснять необходимость эту....

А после, как в детстве, поплевав на насадку, произношу сакральную фразу: «Ловись рыбка и мала, и велика на моего червяка». Никитка смотрит на всё это снизу вверх во все глаза. Поясняю ему своё «колдовство». Теперь Никитка удочку свою тянет. На его удочке его же пальчиками насаживаем

червя. Никитке интересно, но как понял я, червяка жалеет, отчего смотрит на меня растерянно, и пальчики его в моих пальцах червя выпускают. А сам шепчет что-то про «боно» – червяку больно. Опять...

Опять провожу беседу, что червяк – не птичка, и даже – не лягушка. Он взглядом соглашается. Снова приступаем к делу и, наконец, червяк на крючке. Никитка на насадку теперь сам плюёт, но мимо насадки. Пришлось повторить и не раз, пока соблюли рыбацкий ритуал. Тогда он неуверенно повторяет за мной ту магическую фразу-заговор – про «рыбку», что должна ловиться «на такого червяка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.